

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

Е. И. Убрятова

ЗАДАЧИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

I

Тюркские языки с давних пор изучались в сравнении друг с другом. В процессе сравнительного изучения их было установлено, что тюркские языки очень близки между собой. Особенно часто и последовательно прибегали к сравнению исследователи тюркских языков, имеющих значительные отклонения (чувашский и якутский).

У тюркологов уже выработалось несколько типов сравнительных исследований:

1. Грамматики отдельных тюркских языков с максимальным привлечением сопоставительного материала по другим языкам при описании отдельных явлений. Такие грамматики постоянно создавались и создаются тюркологами. В качестве примеров можно назвать труды А. Казембека¹, О. Н. Бётлингга², Н. И. Ашмарина³, Н. Ф. Катанова⁴. В этой же традиции написана «Грамматика современного турецкого литературного языка» А. Н. Кононова (М.—Л., 1956), содержащая очень большое число сравнений общих и частных деталей в различных тюркских языках в соответствии с современным уровнем их изученности.

2. Монографические исследования некоторых проблем тюркологии на базе отдельных тюркских языков с привлечением широкого сравнительного материала. Например, работы последних лет по аффиксальному и аналитическому словообразо-

¹ А. Казембек, *Общая грамматика турецко-татарского языка*, Казань, 1846.

² O. Böhlingk, *Ueber die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik*, St.-Pbg., 1851.

³ Н. И. Ашмарин, *Материалы для исследования чувашского языка*, Казань, 1898.

⁴ Н. Ф. Катанов, *Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня*, Казань, 1903.

ванию в азербайджанском⁵, башкирском⁶, киргизском⁷, узбекском⁸ и некоторых других языках.

3. Сравнительные и сравнительно-исторические исследования общетюркологического характера по разным проблемам и областям тюркологии. К их числу следует отнести труды В. В. Радлова⁹, В. А. Богородицкого¹⁰, К. Грэнбека¹¹, М. Рясянена¹² и др. Из работ, появившихся в последние годы, назовем книгу А. А. Юлдашева¹³, коллективную работу сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР по тюркской лексике¹⁴, статьи А. М. Щербака по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков¹⁵.

Особое место в этом ряду занимают исследования по сравнительной грамматике тюркских языков¹⁶, подготовленные сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР. Это первый опыт работ такого рода в тюркологии. Кончина организатора и руководителя коллектива, начавшего подготовку исследования, Н. К. Дмитриева, не позволила осуществить ее так, как было задумано. Однако и сейчас эта книга остается единственным справочным пособием такого рода.

4. В последние годы вышли два больших коллективных труда справочного характера, которые, вероятно, значительно продвинули вперед сравнительную и сравнительно-историческую

⁵ См., например: Э. В. Севортян, *Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования*, М., 1962; его же, *Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования*, М., 1966.

⁶ Т. М. Гарипов, *Башкирское именное словообразование*, Уфа, 1959; А. А. Юлдашев, *Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке*, М., 1958.

⁷ Б. М. Юнусалиев, *Киргизская лексикология*, ч. I, Фрунзе, 1959; Б. О. Орузбаева, *Словообразование в киргизском языке*, Фрунзе, 1964.

⁸ А. Гулямов, *Проблемы исторического словообразования узбекского языка*, автореф. докт. дисс., Ташкент, 1955.

⁹ W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882—1883.

¹⁰ В. А. Богородицкий, *Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками*, Казань, 1934.

¹¹ K. Grönbech, *Der türkische Sprachbau*. I, Kopenhagen, 1936.

¹² М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955; M. Räsänen, *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*, — «*Studia orientalia*», t. XXI, Helsinki, 1957.

¹³ А. А. Юлдашев, *Аналитические формы глагола в тюркских языках*, М., 1965.

¹⁴ «*Историческое развитие лексики тюркских языков*», М., 1961.

¹⁵ А. М. Щербак, *О тюркском вокализме*, — сб. «*Тюркологические исследования*», М.—Л., 1963, стр. 24—40; его же, *Тюркские гласные в количественном отношении*, — «*Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова*», М., 1966, стр. 146—162.

¹⁶ «*Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*», ч. I. *Фонетика*, М., 1955; ч. II. *Морфология*, М., 1956; ч. III. *Синтаксис*, М., 1961; ч. IV. *Лексика*, М., 1962.

грамматику тюркских языков. Это вышедшие в Висбадене в 1959 г. «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», t. I и в 1966 г. в Москве «Тюркские языки» («Языки народов СССР», т. II).

Оба эти труда состоят из кратких очерков по отдельным тюркским языкам. В них даны основные сведения по фонетике, грамматике, лексике и диалектологии этих языков. Но в построении и содержании этих изданий есть и существенные различия. «Тюркские языки» содержат очерки в основном по литературным языкам тюркоязычных народов СССР (в виде исключения в них даны очерки по языку барабинцев, караимов, чулымцев-тюрков и шорцев). Написаны они на основании материалов, отражающих современное состояние тюркских языков, что выгодно отличает наше издание от «*Philologiae Turcicae Fundamenta*», где очерки языков во многих случаях основываются на старых материалах и отличаются несколько произвольным пониманием состава тюркских языков СССР, их внутренних отношений, названий и самоназваний. Однако для сравнительной грамматики эти очерки дают больше материала, так как они охватывают все современные и древние тюркские языки, что в задачу советского издания не входило. Кроме того, труд «*Philologiae Turcicae Fundamenta*» снабжен прекрасными указателями, чего нет в нашем издании.

Работы, перечисленные выше, писались в разное время. Те из них, которые написаны еще в прошлом веке или в начале XX в., конечно, не могут полностью удовлетворять требованиям исследований сегодняшнего дня, когда изучение тюркских языков очень продвинулось вперед и редкий день не выходит книга, посвященная каким-нибудь новым вопросам тюркологии. Сплошным потоком идут авторефераты диссертаций, которые, хотя и слабо отражают большую работу вступающих в строй тюркологов, все же содержат много нового. Поднят огромный материал по многим тюркским языкам. Ведется очень интенсивное изучение диалектов почти по всем тюркским языкам, что тоже дает большой, новый и весьма важный для общей тюркологии материал, который, однако, остается необобщенным. Между тем все эти материалы должны обязательно учитываться в работах, имеющих целью решение общетюркологических задач, так как они показывают ход развития как самих тюркских языков, так и их составных элементов. У нас наблюдается очень большое несоответствие между накопленным фактическим материалом и его использованием как в общетеоретической тюркологической литературе, так и в исследованиях отдельных языков.

Изучение отдельных языков показало, что за материальной общностью тюркских языков скрываются значительные расхождения в использовании общих элементов в отдельных язы-

ках. Из-за неравномерности развития отдельных явлений и целых систем в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, разной степени изолированности развития, различных, часто очень сложных условий взаимодействия с родственными и неродственными языками тюркские языки получили очень большие внутренние различия. Нередко одно и то же явление в разных тюркских языках оказывается как бы на разных уровнях развития, и потому сравнение всех данных по разным языкам оказывается очень важным для их понимания. Приведу только один пример. Не так давно у азербайджанских диалектологов и историков языка разгорелся спор о форме повелительного наклонения 1-го лица мн. числа. В диалектах азербайджанского языка она имеет аффиксы *-ағын*, *-әјүн*, *-ағуз*. М. Ш. Ширалиев рассматривает первый из них как состоящий из аффиксов 1-го лица мн. числа *-к* и 2-го лица *-н*¹⁷. Р. А. Рустамов считает его лишь фонетическим вариантом аффикса 1-го лица ед. числа *-ајын*, некогда употреблявшегося в значении 1-го лица мн. числа¹⁸.

В акногайском диалекте ногайского языка имеются формы на *-ыякъ* (*-ујак*) и *-ягъынъыз* (*-јагунуз*)¹⁹. Первая из них рассмотрена С. А. Калмыковой как форма 1-го лица мн. числа повелительного наклонения, вторая — как форма 1-го лица мн. числа желательного наклонения. Башкирские диалектологи также обнаружили в некоторых диалектах аналогичные формы повелительного наклонения 1-го лица мн. числа. Так, Н. Х. Ишбулатов отметил, что в казмашевском говоре «желание — побуждение выражается формантом *-йығыз...*». По его мнению, он этимологически распадается на аффикс 2-го лица мн. числа *-айық* и на показатель множественности *-ыз*²⁰. С. Ф. Миржанова выявила аналогичные формы «двойного» множественного числа в говорах южного (юрматинского) диалекта *-әйекләр* и в восточном (куваканском) диалекте *-әйегез*²¹. В бурзянском говоре Н. Х. Максютлова отметила форму повелительного наклонения 1-го лица мн. числа на *-айық(-әйек, -йық, -йек)*. В различных пунктах этого же говора зафиксированы формы на *-айығыз* (*-әйегез, -йығыз, -йегез*) (дер. Гадельгареево) и *-айықлар* (*-әйек-ләр*), которые, по наблюдениям Н. Х. Максютловой,

¹⁷ М. Ширалиев, Азербайжан диалектологиясынын әсаслары, Баку, 1962, стр. 199.

¹⁸ Р. А. Рустамов, Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка, автореф. докт. дисс., Баку, 1964, стр. 73—75.

¹⁹ С. А. Калмыкова, Акногайский диалект ногайского языка, автореф. канд. дисс., М., 1965, стр. 17.

²⁰ Н. Х. Ишбулатов, Морфологические особенности казмашевского говора, — «Башкирский диалектологический сборник», Уфа, 1959, стр. 121.

²¹ С. Ф. Миржанова, Материалы экспедиции 1958 года (Предварительное сообщение), — там же, стр. 199.

различаются по значению. В первой выражается «просьба, сопровождаемая легким приказанием», во второй «подчеркивается коллективность действия»²². Эта форма встречается в некоторых тюркских языках Сибири. Д. Г. Тумашева отмечает следующие аффиксы в повелительном наклонении в диалектах татарского языка Сибири, в которых имеются некоторые различия в оформлении лица.

Общие диалектные особенности:

1 л. ед. ч. *-ай-ым*

1 л. мн. ч. *-ай-ық*

Тюменский говор:

1 л. ед. ч. *-ай-ын||-ай-ым*

1 л. мн. ч. *-ай-ық||-ай-ың||-ай-ығ-ың*

Тобольский говор:

1 л. ед. ч. *-ай-ын*

1 л. мн. ч. —

Говор заболотных татар:

1 л. ед. ч. *-ай-ын*

1 л. мн. ч. *-ай-ың||-ай-ығ-ың*

Тевризский говор:

1 л. ед. ч. *-ай-ын||-ый-н*

1 л. мн. ч. *-а-қ*

Тарский говор:

1 л. ед. ч. *-ай-ын*

1 л. мн. ч. *-ай-ық-лар-ың*²³

В языке томских татар А. П. Дульзон²⁴ различает во множественном числе аффиксы двойственного (*-лык* 'мы двое') и множественного числа (*-ықлар*). В якутском языке эта форма входит в литературный язык и имеет следующие аффиксы и значения:

-ыа-х: *барыах* 'пойдем-ка мы с тобой';

-ым-ыа-х: *барымыах* 'не пойдем-ка мы с тобой';

-ыа-ҕ-ың: *барыаҕың* 'давайте пойдемте мы все (мы вдвоем и вы)';

-ым-ыа-ҕ-ың: *барымыаҕың* 'давайте не пойдем мы все'.

Сопоставление многочисленных аффиксов повелительного наклонения 1-го лица ед. и мн. числа в разных тюркских языках и их диалектах позволяет сделать вывод, что в прошлом в 1-м лице мн. числа были широко распространены исключительная ('только мы с тобой') и включительная ('мы с тобой и вы') фсрмы.

²² Н. Х. Максимова, Бурзянский говор, — «Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии», Уфа, 1963, стр. 103.

²³ Д. Г. Тумашева, Кенбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек, Казан, 1961, стр. 86 (таблица).

²⁴ А. П. Дульзон, Диалекты татар — аборигенов Томи, — «Уч. зап. Томского пединститута», Томск, 1956, т. XV, стр. 358.

Сопоставление аффиксов и семантики форм повелительного наклонения 1-го лица мн. числа объясняет их структуру для тех языков, в которых отдельные элементы аффиксов уже выделяются. Например, в якутском языке аффикс исключительной формы *-ыах* не расчленяется на свои составные элементы (*-ыа-х < -ыја-к*), так как в современном языке не сохранилось аффикса 1-го лица мн. числа *-х*, а сочетание *-ыја-* перешло в дифтонг *-ыа-*. Но в якутском языке сохранилась семантика формы, что позволяет объяснить ее значение в прошлом и для других языков.

В азербайджанском языке произошло другое. Там, по-видимому, утрачена семантика формы, но сохранились аффиксы, превратившиеся в диалектные варианты *-а-ј-н||-а-ґ-уз* (ср. аффиксы башкирского и татарского языков, о которых речь шла выше).

Приведенные здесь материалы также показывают, что включительная форма 1-го лица мн. числа уточнялась в разных языках по-разному. В диалектах татарского языка и в якутском языке к личному аффиксу 1-го лица мн. числа *-к(-х)* присоединяется аффикс *-ң* (аффикс 2-го лица ед. числа, который в повелительном наклонении служит личным оформлением 2-го лица мн. числа). В акногайском диалекте к этому аффиксу присоединяется древний показатель множественного числа *-з* (*-ягынынъыз*). В кизильском говоре восточного диалекта башкирского языка *-ң* выпало и осталось только *-з* (*-айыҕыз*). В диалектах азербайджанского языка стяжение пошло еще дальше и аффикс превратился в *-ағуз*. В некоторых языках и их диалектах во множественном числе включительной формы используется аффикс множественного числа *-лар*. Например, в южном диалекте башкирского языка (*-йа-к-лар*), в чулымском языке (*-ык-лар*). Есть, наконец, и такие языки, в которых используются и те и другие аффиксы, например, в тарском говоре татарского языка (*-айы-қ-лар-ың*, т. е. как бы 'мы с тобой' + 'они' + 'ы').

Пример с исключительной и включительной формами повелительного наклонения 1-го лица мн. числа показывает, как важны диалектные материалы для исторической морфологии тюркских языков. Он также говорит и о том, что диалектологи должны внимательно изучать аналогичные диалектные материалы по другим тюркским языкам, особенно в тех случаях, когда описываются явления, пережиточно сохранившиеся в диалектах данного языка. Рудиментарные диалектные формы одних языков (в данном случае азербайджанского языка) в диалектах других языков (например, башкирском, ногайском, татарском и некоторых других) наслаиваются на другие формы парадигмы повелительного наклонения и утрачивают свою се-

мантику. Сведенные вместе, они позволяют видеть былую семантику этой формы, разные способы выражения в ней одного и того же грамматического значения и, главное, показывают, что данная форма была распространена прежде в большом числе тюркских языков на большой территории (Азербайджан, Татария, Башкирия, Якутия, Алтай и др.).

II

То, о чем шла речь выше, общеизвестно, но когда дело доходит до конкретного исследования, об этих общеизвестных вещах нередко забывается. Очень часто наши авторы исходят из своих наблюдений, сделанных на основе одного известного им языка, а выводы затем распространяют на все тюркские языки. Показателен в этом отношении спор о значении прошедшего времени на -т в разных тюркских языках. Каждый исходит в этом споре из того, что известно ему по одному языку, распространяя свои знания на все тюркские языки. В результате существует, вероятно, несколько взаимоисключающих определений прошедшего на -т в тюркских языках вообще.

Не так давно во Фрунзе вышла книга А. Джапарова «Главные члены предложения в современном киргизском языке» (Фрунзе, 1967). Автор, приняв без всяких оговорок высказывание П. М. Мелиоранского о том, что синтаксис тюркских языков в общих чертах является единообразным²⁵, счел себя вправе, привлекая сравнительный материал, рассмотреть все формулировки, характеризующие оформление подлежащего и сказуемого, данные другими авторами для других языков, исходя из синтаксиса киргизского языка.

Книга написана очень сердито, в тоне последней инстанции, приговор которой обжалованию не подлежит. К сожалению, этот стиль довольно распространен в тюркологической литературе, и надо сказать, что многие хорошие работы он очень портит. В книге А. Джапарова этот стиль выражен очень ярко. Желая вникнуть в суть замечаний А. Джапарова по поводу моей работы «Исследования по синтаксису якутского языка, ч. I. Простое предложение» (М. — Л., 1950), я обнаружила, что А. Джапаров в моей книге читал только интересующие его определения. Иначе он не мог бы написать о том, что сказано у меня о широте функций основного (неоформленного) падежа имени существительного в якутском языке, следующее: «Таким образом, исследователь при таком подходе стирает грани между всеми членами предложения, сваливая их в одну кучу.

²⁵ П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. Синтаксис, СПб., 1897, стр. V.

Как показывают наши исследования, ничего неясного, темного, безгранично неопределенного здесь нет. Просто-напросто при отрицании наличия именительного падежа не учитывались стилистические функции оформленных и неоформленных косвенных падежей.

Как явствует, опущение или употребление формального показателя косвенных падежей (родительного, винительного) выступает средством выражения категории неопределенности или определенности...»²⁶.

Если бы автор прочел мою книгу, то он узнал бы о вещах, отчасти давно известных (по трудам Бётлингга и Грёнбека), что в якутском языке категория определенности не имеет морфологического выражения и родительный падеж в нем отсутствует, что в нем определение всегда имеет форму основного падежа (*киһи дьытэ* 'дом человека') и потому нет противопоставления оформленного и неоформленного родительного падежа. Из моей книги он мог узнать, что прямое дополнение в якутском языке выражается пятью падежными формами: винительным, винительным собирательным, частным, исходным и основным падежами. Выбор падежной формы определяется необходимостью выразить степень охвата объекта действием. Винительный падеж употребляется, когда объект и действие расчленены, но объект полностью охвачен им; основной падеж употребляется, когда объект сливается с действием и служит лишь его уточнением; винительный собирательный падеж показывает, что объект или часть его целиком охвачен действием; частный падеж выражает объект, представляющий собой неопределенную часть из числа других объектов; исходный падеж — объект, составляющий часть из неопределенного целого.

Поэтому в якутском языке прямое дополнение в основном падеже соотнесено не только с винительным, но в такой же степени и с другими падежными формами по принципу отношения к действию и по степени охвата им. Категория определенности здесь выражается не падежной формой, а другими средствами. Считать в этом случае основной падеж неоформленным винительным нельзя. Функции основного падежа охарактеризованы мною в соответствии с тем, что в данном случае имеется в якутском языке. А. Джапаров же возражает мне, исходя из особенностей киргизского языка. Если бы он направил свою энергию на сравнение изученных им явлений в киргизском языке с аналогичными явлениями других тюркских языков, мы получили бы новое сравнительно-грамматическое исследование в области синтаксиса тюркских языков.

²⁶ А. Джапаров, Главные члены предложения в современном киргизском языке, Фрунзе, 1967, стр. 57.

Якутскому языку, который во многих отношениях отличается от современных тюркских языков, а иногда и от всех тюркских языков, часто не везет. В сравнительно-грамматических работах якутские материалы очень часто отсутствуют, а если и приводятся, то нередко с ошибками. Так, в интересно задуманной книге Н. З. Гаджиевой «Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке» (М., 1963), в главе II, в которой сложноподчиненные предложения азербайджанского языка сопоставляются с аналогичными синтаксическими конструкциями других тюркских языков, якутские материалы в трех случаях из восьми приведены с ошибками. Например, на странице 166 дана форма на *-а илик* в местном падеже лично-притяжательного склонения (*утуйа илик-тэр-и-нэ* 'когда еще не уснули — они'), которую автор принял за условное наклонение.

В книге А. А. Юлдашева, посвященной сравнительно-грамматическому описанию некоторых аналогичных форм глагола тюркских языков²⁷, материалам из якутского языка тоже не очень повезло. Так, на странице 7 приведен пример из якутского языка на аналитическую форму сослагательного наклонения *-ях э-т-*, к сожалению воспроизведенную с грубыми опечатками (вм. *-ях э-т- — нах эти-* и вм. *мань гыных äтim — амны чыннах äтim*). На странице 128, где речь идет о временной форме на *-р эди-*, говорится: «Во всех языках, в которых данная форма вошла в систему прошедшего времени, она представлена также и в системе сослагательного наклонения...». На странице 251 еще более категорично: «Из всех форм сослагательного наклонения форма на *-р эди-* является в тюркских языках самой распространенной: ее не знают лишь хакасский и тувинский языки». Следовательно, автор в этой части книги относит якутский язык к числу тех тюркских языков, в которых сослагательное наклонение имеет форму *-р эди-?* Но сослагательное наклонение в якутском языке образуется по модели: причастие будущего времени + вспомогательный глагол *э-* в прошедшем времени, т. е. та форма на *-ях э-т-*, которую А. А. Юлдашев привел на странице 7. Якутское причастие будущего времени на *-ях* якутоведы обычно сопоставляют с формой на *-ацак*²⁸. (Причастие на *-ар* в якутском языке выражает настоящее время.) Поэтому трудно согласиться с утверждением А. А. Юлдашева о том, что якутский язык совершенно не знает формы на *-чак эди-* (стр. 262). Будь у нас хорошо

²⁷ А. А. Юлдашев, Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., 1965.

²⁸ С. В. Ястремский, Грамматика якутского языка, Иркутск, 1900, стр. 43; W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk Sprachen, St.-Pbg., 1908, стр. 48.

разработанная сравнительная грамматика, этих недоразумений, конечно, не было бы.

III

Создание сравнительной грамматики необходимо сейчас еще и потому, что у нас начинается работа по сравнительно-исторической грамматике, для которой она должна стать надежной базой. Она будет надежной базой и для целого ряда исследований в области истории отдельных тюркских языков (где это возможно), их исторических грамматик, исторических исследований отдельных явлений, их грамматического строя, исторической лексикологии и исторической диалектологии тюркских языков.

Сравнительно-грамматические работы в области тюркологии будут интересны и полезны также для этнографов и историков. Данные исторических исследований по языку иногда оказываются решающими для истории народа в тех случаях, когда отсутствуют исторические документы.

В докладах, прослушанных на этой конференции, несколько раз упоминались древние киргизы Сибири и их язык. И историков, и языковедов очень интересует вопрос об отношении древних киргизов к современным. Мне кажется, что данные сравнительной грамматики в решении этого вопроса могут иметь большое значение.

Близость современного киргизского языка к алтайскому уже давно установлена. По некоторым фонетическим и грамматическим признакам киргизский язык должен быть отнесен к группе сибирских тюркских языков. В этом отношении очень интересен состав вторичных причастных форм всей этой группы, включая и современный киргизский язык. Например, глагольная форма на *-а элек* (в киргизском), *-а илик* (в якутском), *-галак* (в алтайском, шорском, хакасском, тувинском, чулымском языках), которая в других тюркских языках пока не отмечена, формы на *-чу*, *-чук*, *-оочу* тоже свойственны только тюркским языкам Сибири. Общность вторичных причастных форм, характерных лишь для этой группы языков, свидетельствует о генетических связях современного киргизского языка с сибирскими, а следовательно, и киргизского народа с древними киргизами, жившими рядом с этими народами на Енисее.

Создание сравнительной грамматики — дело совершенно необходимое и неотложное, но для современного состояния изученности тюркских языков очень нелегкое. Сейчас уже имеется море материала, освоить который под силу только большому коллективу. Вероятно, нужно будет общими усилиями продумать план осуществления этой работы.

Создание сравнительной грамматики тюркских языков невозможно без большой подготовительной работы, так как необходимы и исследования частных и общих вопросов сравнительной грамматики, и составление полных и точных справочных пособий как по отдельным языкам или группам языков, так и по всем тюркским языкам.

Исследовательскую работу можно в значительной степени осуществить через диссертации, кандидатские и докторские.

Очень много дала бы тщательная разработка курсов сравнительной грамматики в наших тюркоязычных вузах, в которых это делается, но делается разобщенно. Может быть, следовало бы обсудить, специально для этого собравшись, программы курсов по сравнительной грамматике тюркских языков. Разработка таких курсов очень повысила бы сравнительно-грамматический уровень знаний будущих тюркологов и вместе с тем дала бы специальные пособия по сравнительной грамматике и исследования частного характера. Для создания справочников по сравнительной грамматике работу нужно распределить между нашими тюркологическими ячейками (исследовательскими институтами и кафедрами тюркских языков вузов).

Справочники по отдельным языкам, с учетом богатейших диалектных материалов, могут быть составлены местными институтами.

Главное сейчас заключается в том, чтобы работа по сравнительной грамматике началась, а это само по себе явится хорошей основой координации общей тюркологической работы.